

A woman with dark hair in a braid, wearing a white, long-sleeved dress with a high collar, sits on a wooden bench at a rustic bar. The bar is set in a room with high, arched stained-glass windows and dark wooden walls. Behind the bar, shelves are stocked with various bottles. The lighting is warm and atmospheric, coming from a small lamp on the bar and the light through the windows.

Между
жизнью
и
смертью:
Пустая

Ксения Суралева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Суранова

Между жизнью и смертью: Пустая

<https://litres.ru/74418238>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она просыпается в грязной таверне. Ничего не помнит. Ни как сюда попала, ни что делала вчера, ни как её зовут. Только имя — Мира, и шрам на шее, который заживает за одну ночь.

Она не умирает. Каждый раз, когда её убивают, она просыпается снова. Но вместе с ранами заживает и её память. Каждая смерть стирает кусочек прошлого. Она помнит только последние пять лет. Всё остальное — пустота.

Она ищет лекарство. Или способ умереть по-настоящему. Но вместо этого находит Яна — странного священника, который знает о ней больше, чем она сама. Он обещает ответы. Он ведёт её через мёртвые земли к старой книге, где записана вся её жизнь.

Она думает, что она проклята. Но правда страшнее — она не человек. Внутри неё спит бог. Бог, который уничтожил этот мир. И если она вспомнит всё — он проснётся.

Ксения Суранова

Между жизнью и смертью: Пустая

Она проснулась от того, что не могла дышать. Горло сдавило, как будто кто-то сжал его железными пальцами, хотя в комнате никого не было. Сознание вынырнуло из чёрной бездны не с пробуждением, а с паническим, животным ужасом, который скрутил внутренности в тугой узел. Она села на кровати, хватая ртом воздух, и её собственные руки, неуклюжие и чужие, вцепились в шею, пытаясь разорвать невидимую хватку. Закашлялась — сухо, надрывно, до хрипоты, и воздух вошёл в лёгкие с протяжным, свистящим стоном. Сердце колотилось где-то в груди, отдаваясь в висках глухими, тяжёлыми ударами, гулко и быстро, как барабан перед битвой, что вот-вот начнётся и сметёт всё на своём пути.

Она сидела так несколько минут, обхватив колени руками. Тело, одетое в грубую, колючую рубаху, мелко дрожало. Простыни под ней были влажными от пота и пахли сыростью и чем-то кислым. Мира пыталась понять, что случилось. Но в голове было пусто. Не просто пусто, как в комнате, где вынесли всю мебель. Не как в заброшенном доме, где ветер гу-

ляет по голым половицам. Пусто, как в глубоком колодце, куда никто не бросал камней — там только давящая тишина и непроглядная темнота, и никакого отклика, ни одного звука, ни одной картинки, ни даже слабого отголоска мысли.

Ни мыслей, ни воспоминаний о том, что ей снилось, о том, как она оказалась здесь, о том, кто она такая. Единственное, что всплыло на поверхность этого чёрного омута — имя. Мира. Оно висело в голове, как табличка на двери, которую повесил кто-то другой, а она просто прочитала и запомнила. Буквы были чёткими, но холодными, чужими, словно это имя принадлежало не ей, а той, другой женщине, чью жизнь она теперь должна была прожить.

Она огляделась.

Комната была маленькая, тесная, как клетка. Стены из грубых досок, некрашенных, серых от времени, покрытых многолетним слоем пыли. Доски были неровными, с заусенцами, и кое-где от влаги они разбухли и пошли тёмными, почти чёрными разводами. В щелях между ними забились пыль и паутина — серая, плотная, будто её не считали годами. Паутина свисала с потолка длинными, косматыми прядями, и в некоторых коконах Мира различала сухие, хрупкие тельца мух. Под потолком висела лампа с закопчённым стеклом, масло в ней почти выгорело, и света было так мало, что углы

комнаты тонули в полумраке. Фитиль едва тлел, бросая на стены неровные, дрожащие тени, которые колыхались и шевелились, будто за ними кто-то стоял. Мира смотрела на эти углы и не могла понять, что там — может быть, стена, может быть, дверь. Она не знала.

На полу лежал старый ковёр. Когда-то он был красным, с узорами — Мира видела бледные, едва различимые завитки и линии, — но теперь стал бурым, почти чёрным от грязи, въевшейся в ворс. По краям он был вытерт до дыр, сквозь которые проглядывали доски пола. От ковра пахло плесенью и старой обувью. Мира смотрела на него и пыталась вспомнить, видела ли она его раньше, ступала ли по нему босыми ногами, но в памяти была только пустота. Она наклонилась, провела пальцем по ковру. Пальцы сразу стали грязными, покрылись серым налётом, и под ногтями забились грязь. Она вытерла их о штаны, оставив на грубой ткани длинные тёмные полосы.

В углу стоял деревянный стул. Одна ножка была отломана, и стул кренился набок, будто устал стоять прямо, и вот-вот готов был рухнуть на пол. Древесина на изломе была светлой, острой, и Мира заметила, что скол свежий — возможно, кто-то сломал его совсем недавно, в спешке или в гневе. На спинке висела чья-то одежда — кожаная куртка, грубая, потёртая, с длинными, глубокими царапинами и с прорезью на

плече для меча. Кожа была тёмно-коричневой, почти чёрной от времени и жира, и на ней виднелись старые, засохшие пятна, возможно, крови. Мира не знала, её это или нет, но почему-то ей казалось, что это её вещь. Она подошла, потрогала куртку. Кожа была жёсткой, холодной, пахла дымом и потом — тяжёлым, едким запахом, который вьелся в каждую пору. Она принялась — знакомый запах. Она носила эту куртку раньше, просто не помнила когда. Она провела пальцами по потёртостям на рукавах, по старым царапинам на коже, и пальцы, казалось, сами знали, куда двигаться. Вдоль плечевого шва была аккуратная заплатка — кто-то чинил куртку, заботливо и умело. Кто? Она не помнила.

Она посмотрела на себя. На ней была грубая рубашка из плотной, мешковатой ткани, серого цвета, с парой дырок на животе, сквозь которые виднелась бледная кожа. Штаны — такие же грубые, на коленях протёртые до дыр, и сквозь них виднелась такая же бледная, почти прозрачная кожа, с синеватыми прожилками вен. Босые ноги ступали по холодному деревянному полу, и она чувствовала каждую трещину, каждую щепку под пальцами. Она пошевелила пальцами ног. Пол был холодный, почти ледяной, и холод поднимался по щиколоткам, заставляя мышцы напрягаться. Ногти на ногах были грязными, с тёмными ободками под ними — она не мылась несколько дней, а может, недель.

Она подошла к единственному окну. Оно было маленькое, затянутое грязной тканью, которая когда-то была белой, а теперь стала серой, с жёлтыми пятнами и чёткими разводами грязи. Ткань была грубой, льняной, и сквозь неё едва проходил свет. Она отдёргнула ткань. За окном была улица. Узкая, грязная, залитая жидкой грязью, в которой увязали колёса и ноги. По обе стороны стояли такие же деревянные дома, как тот, в котором она была. Покосившиеся, с протекающими крышами, с дырявыми стенами, кое-где подпёртые брёвнами, чтобы не рухнули. Стены были покрыты мхом и лишайником, сырые, тёмные, с облупившейся краской. Кое-где на крышах лежала солома, но она была мокрой, гнилой, и от неё шёл запах сырости, смешанный с дымом и запахом навоза.

Дождь только что закончился, и воздух был влажным и тяжёлым. Над мостовой висел лёгкий туман, который оседал на лицах и одежде мелкими каплями. Грязь на улице была жидкой, перемешанной с конским навозом, соломой и мусором — обрывками бумаги, щепками, старыми тряпками. Вдоль домов тянулись деревянные желоба для стока воды, но они были забиты листвой и грязью, и вода разливалась по дороге, собираясь в глубокие, мутные лужи.

По улице бродили люди. Мира смотрела на них, и ей казалось, что она смотрит на тени. Женщина лет сорока в рва-

ном платье, с усталым, осунувшимся лицом и седеющими волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбивались влажные пряди. Платье на ней было когда-то зелёным, но теперь выцвело до грязно-серого, с многочисленными заплатками и прорехами. Она несла ведро с водой, и от тяжести её плечо опустилось вниз, спина сгорбилась, а ноги слегка подкашивались. Она шла медленно, смотрела под ноги, обходила лужи, стараясь не замочить подол, но всё равно грязь летела на юбку. На лице у неё была такая усталость, будто она носила это ведро всю свою жизнь, с самого детства. Мира видела, как женщина остановилась, перевела дыхание, поставила ведро на землю и вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. Кожа на её руках была красной, обветренной, с трещинами. Она посмотрела по сторонам, щурясь от тумана, — может быть, искала кого-то, а может, просто отдыхала, собираясь с силами. Потом она снова подняла ведро, покряхтев, и пошла дальше, её шаги были тяжёлыми, шаркающими, и каждые несколько метров она перехватывала ручку, перекладывая тяжесть с одной руки на другую.

На карнизе соседнего дома сидел воробей — маленький, взъерошенный, с мокрыми от тумана пёрышками. Он тряхнул головой, отряхиваясь, и несколько капель слетели с его клюва, сверкнув на мгновение в тусклом свете. Он наклонил голову набок, глядя на Миру одним глазом — чёрным, блестящим, живым. Потом он чирикнул — коротко, звон-

ко, будто спрашивая: «Ты кто? Что ты здесь делаешь?» — и перепрыгнул с карниза на водосточную трубу, неуклюже балансируя на скользком металле. К нему присоединился второй воробей, поменьше, с более светлой грудкой. Они стояли рядом, тесно прижавшись друг к другу, и их маленькие тельца дрожали от холода. Один из них клюнул другого в клюв — нежно, почти ласково — и тот ответил ему тихим, довольным чириканьем. Они были такими маленькими и беззащитными среди этого серого, мрачного мира, но они были вместе. Мира смотрела на них, и в груди у неё что-то шевельнулось — лёгкое, тёплое, почти забытое. Она не знала, что это, но ей захотелось улыбнуться.

Двое мужчин толкали телегу с сеном, мокрым и тяжёлым. Один был высокий и худой, с острыми локтями и длинными руками, как у паука, с тонкими, костлявыми пальцами. На нём была рваная рубаха, вся в грязи, и Мира видела, как его рёбра выпирают под кожей, а ключицы торчат острыми углами. Его лицо было вытянутым, бледным, с острым носом и глубоко посаженными глазами, которые блестели нездоровым блеском. Второй — низкий, плотный, с красным, обветренным лицом и толстой, бычьей шеей, покрытой капельками пота. На нём была куртка, вся в пятнах пота, рукава закатаны до локтей, открывая мощные, жилистые руки, покрытые тёмными волосами. Они переругивались, и Мира слышала их голоса — хриплые, злые, надорванные от постоян-

ного крика.

— Давай, давай, толкай, — говорил высокий, срываясь на визг. — Мы до вечера не доедем, если ты будешь стоять! Колёса вязнут, а ты только воздух толкаешь!

— Я и так толкаю, — отвечал низкий, хрипло и грубо, переводя дух. — Ты бы сам попробовал. У тебя руки как у бабы, никакой силы! Только язык у тебя работает, а не спина!

— У меня руки, которые тебя кормят, — отвечал высокий с вызовом. — Я эту телегу купил, я за сено заплатил! Если я уйду, ты сдохнешь с голоду, козёл! Будешь свои сапоги жевать!

— Да пошёл ты! — рявкнул низкий и с такой силой толкнул телегу, что колёса закрипели.

Они толкали телегу, и стук колёс по грязи был громким, хлюпающим, с противным чавканьем. Колёса вязли по самую ступицу, и им приходилось напрягаться изо всех сил, вытаскивая телегу из грязи. Мира видела, как на их лбах блестит пот, как жилы вздуваются на шеях, как сжаты зубы от напряжения. Телега была доверху завалена мокрым сеном, которое казалось чёрным, и вода стекала с него длинными струями, оставляя на грязи тёмные пятна. Сено пахло пре-

лой травой и дождём.

На крыльце одного из домов, свернувшись клубком на сухом месте под навесом, лежала рыжая кошка. Она была худая, с вылинявшей шерстью и одним надорванным ухом, но в её позе было столько умиротворения, что Мира невольно задержала взгляд. Кошка спала, прикрыв нос пушистым хвостом, и её бока мерно поднимались и опускались. Рядом с ней, прижавшись к её тёплому боку, лежали два крошечных котёнка — один рыжий, как мать, другой чёрный, с белым пятнышком на лбу. Они спали, доверчиво прижавшись друг к другу, и их маленькие лапки изредка подёргивались во сне, будто они бежали за чем-то невидимым. Кошка открыла один глаз, посмотрела на Миру долгим, спокойным взглядом — без страха, без настороженности — и снова закрыла его, слегка прижав котят к себе. Мира смотрела на эту маленькую семью, и ей вдруг стало тепло. Она не знала, отчего. Просто в груди разлилось что-то мягкое, тёплое, как солнечный свет.

За ними шёл мальчишка лет двенадцати, босиком, в коротких, оборванных штанах и рубахе, которая была ему велика — явно с чужого плеча. Рубаха свисала с плеч, и он то и дело поправлял её, подтягивая воротник, который норовил сползти. Он нёс корзину с яблоками, но яблоки были гнилые, с тёмными пятнами, и Мира видела, как мухи, жирные

и зелёные, кружат над ними, садясь на кожуру. Мальчик то и дело отгонял мух рукой, раздражённо и устало, и смотрел по сторонам, шаря глазами — может быть, искал кого-то, может быть, просто боялся, что его заметят и отнимут корзину. Он был худым, с острыми коленками и грязными ногами, покрытыми цыпками и ссадинами, из которых сочилась сукровица. Он поднял глаза на Миру, и она увидела его глаза — большие, испуганные, как у зверька, который попал в капкан и знает, что выбраться не сможет. Он быстро отвернулся и пошёл дальше, прибавив шаг, прижимая корзину к груди, будто защищая её.

Но прежде чем он скрылся за углом, Мира заметила, как на его плечо опустилась маленькая синичка — жёлтогрудая, с чёрной шапочкой на голове. Она села легко, как пушинка, и доверчиво наклонила голову, глядя на мальчика. Он улыбнулся — впервые за всё время — и протянул палец. Синичка осторожно коснулась его пальца клювом, потом вспорхнула и села ему на голову, смешно растопылив лапки. Мальчик рассмеялся — тихо, почти беззвучно, — и его лицо на мгновение стало светлым, беззаботным, детским. Птичка чирикнула что-то весёлое и перелетела на корзину с яблоками, устроившись среди гнилых плодов, как на троне. Мальчик пошёл дальше, и синичка сидела на его корзине, покачиваясь в такт шагам, и Мира слышала её звонкое, радостное пение даже сквозь шум улицы.

Мира смотрела на эту улицу и чувствовала себя чужой. Она не знала этих людей, не знала этого города, его запахов и звуков. Она не знала, как называется место, где она проснулась. Она не знала, что она здесь делает. Она чувствовала себя призраком, который смотрит на живых из-за границы бытия, но не может коснуться их, не может заговорить с ними, не может разделить их горе и их радость. Она была здесь, но не принадлежала этому миру.

Она отошла от окна, и пол под ногами скрипнул. Она подошла к столу — грубому, неструганому, с неровной столешницей, покрытой тёмными пятнами от пролитых напитков и жира. На столе стояла бутылка из тёмного стекла, наполовину пустая, закупоренная грязной тряпкой. Рядом — глиняная кружка, в которой оставалось немного тёмной жидкости, похожей на вино или эль. На дне кружки был осадок — хлопья тёмного цвета. Мира взяла кружку, понюхала. Пахло кислым, прокисшим вином, с горьковатым, металлическим оттенком. Она поставила кружку обратно, и на столе остался влажный след.

Рядом лежал мешочек из кожи. Кожа была мягкой, старой, потёртой на сгибах, завязана на кожаный же шнурок, который был затянут туго, но узел ослаб от времени. Мира взяла его. Он был тяжёлым, монеты звенели друг о дру-

га. Она развязала его дрожащими, непослушными пальцами, заглянула внутрь. Монеты. Серебряные, с потёртыми краями и неясными изображениями. Она высыпала их на стол — они упали с глухим звоном, раскатившись по дереву. Двадцать семь штук, она пересчитала их по одной, перекладывая с ладони на стол. Не много, но на пару недель хватит, если не тратить на выпивку и не платить за ночлег в дорогих гостиницах. Она ссыпала их обратно в мешочек, стараясь не звенеть, и завязала шнурок туже.

Рядом с мешочком лежала записка. Сложенный вчетверо лист плотной бумаги, края пожелтели, на сгибах потрескались, и один угол был надорван, как будто его вырывали из чьих-то рук. Мира развернула его. Бумага была шершавой, пахла пылью и чернилами — теми дешёвыми чернилами, что делали из сажи. Почерк был мужской, торопливый, угловатый. Буквы прыгали, будто человек писал на бегу, не глядя на бумагу, торопясь избавиться от этого послания. Некоторые буквы были размазаны, словно перо застревало на бумаге, а в одном месте стояло тёмное пятно — возможно, капля воды или пота.

"Ты сделала работу. Всё чисто. Деньги твои. Не ищи меня. Ты мне больше не нужна. Если вспомнишь, что было, забудь. Это не для тебя".

Мира перечитала записку три раза, вглядываясь в каждую букву, пытаясь уловить в почерке что-то знакомое. Она не помнила, что за работу она сделала. Не помнила, кто её нанял. Не помнила, какая это была работа — кого-то убить, кого-то ограбить, что-то украсть, передать послание, поджечь дом. В голове было пусто. Только ровная, глухая тишина.

Она попыталась напрячь память. Закрыла глаза, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, вдохнула глубоко, как делала, когда нужно было что-то вспомнить — то ли инстинктивно, то ли по привычке. Она стояла так минуту, другую. Ничего. Только темнота. Глубокая, бездонная, как колодец, с которого сняли крышку и бросили туда камень, но не дождались всплеска. Она стояла на краю этой бездны и не видела дна.

Она открыла глаза. Руки дрожали. Она не знала, отчего — от злости или от страха. Она не знала, может ли бояться. Она не знала, что вообще чувствует. В груди было пусто, как в её памяти, и только сердце стучало, напоминая, что она жива.

— Да чтоб тебя, — сказала она вслух. Голос был хриплым, чужим, словно она долго молчала, и он сорвался на сиплый шёпот.

Она натянула куртку, которая висела на стуле. Кожа села

на плечи плотно, будто шили на неё, и она ощутила, как тепло её тела начинает нагревать холодную кожу. Она застегнула ремни на поясе, потянув их до последней дырочки. Меч лежал под кроватью — она видела его, когда вставала, он лежал в пыли, частично прикрытый старой тряпкой. Тяжёлый, старый, с зазубринами на лезвии, в потёртых ножнах из чёрной кожи. Лезвие было широким, с желобком посередине, и на нём виднелись тёмные пятна, въевшиеся в металл. Она взяла его. Рука привычно легла на рукоять, обхватывая её пальцами так, будто делала это тысячи раз. Меч был тяжёлым, она чувствовала его вес, и этот вес был правильным. Знакомым. Он был продолжением её руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.